

«Зеленая повестка» России: экология для устойчивого развития

Так назывался один из круглых столов, состоявшихся в рамках XVI Санкт-Петербургского международного экономического форума. Предлагаем вниманию читателей журнала фрагменты некоторых наиболее интересных выступлений, прозвучавших во время дискуссии

В

И.Б. Кускова

редактор информационно-издательского отдела ФГАОУ ДПО «Академия стандартизации, метрологии и сертификации (учебная)»,
Москва, komr04@yandex.ru

последние десятилетия на международных форумах, научных конференциях, в выступлениях видных политиков и экономистов все чаще звучат слова «зеленая» экономика», «зеленые технологии», «зеленые тарифы» и т.д. «Что же это такое — «зеленая» экономика? Насколько ее развитие важно для России? — спросил, открывая дискуссию, ее ведущий Александр Любимов, генеральный директор канала РБК-ТВ. — Во-первых, «зеленая» экономика серьезно влияет на мировой топливный рынок, меняя его структуру. Во-вторых, игнорирование тенденций «зеленой» экономики, «чистых» технологий приводит к увеличению разрыва в уровне развития экономик России и ее основных глобальных конкурентов. В-третьих, как свидетельствует опыт ЕС, реализация концепции «зеленой» экономики — это не только эффективный способ управления национальным инновационным процессом за счет создания новых стандартов, процедур сертификации, но и серьезный стимул для технологического обновления отраслей, обладающих большим мультипликативным эффектом. В нашей сегодняшней встрече участвуют ведущие специалисты в этой области, которые, безусловно, сообщат нам много важного и полезного. Им слово».

Александр Малышевский, председатель Общественного совета при Федеральной службе по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Если рассматривать экологию в контексте устойчивого развития, то проблема эта всеобъемлюща. Можно говорить о личностных началах, потому что все мы живем в определенной среде, можно говорить о сырьевой базе — без нее невозможно развивать экономику. Сегодня мы говорим о но-

вой индустриализации, когда от экономики спроса необходимо переходить к экономике предложения. При этом меняются стимулирующие показатели: если раньше мы стимулировали потребление, то сегодня должны стимулировать инновационный потенциал.

Есть ли у нас для этого основания? Бесспорно есть, потому что Россия уже структурно встроена в международный экономический процесс, и экологическая составляющая играет важную роль в деятельности любого предприятия. Приведу два примера. Первый. Публикация информации о проверке «Якутугля» Росприроднадзором обвалила акции компании на 6 %. Это важный момент: при вхождении в международные структуры данная позиция будет приобретать все большее значение. Второй пример. В России экологическую составляющую оценивают 15 рейтинговых агентств. Одно из них опубликовало сведения о Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, оказавшемся по экологическим показателям на сотом месте. И акционеры из Германии с данного объекта стали уходить! Следовательно, состояние экологии является важнейшим фактором экономического благополучия компаний.

Как в нашей стране обстоят дела с экологией?

Мало провозгласить новую парадигму, важно разобраться: есть ли у нас предпосылки решить поставленную задачу? К сожалению, сегодняшнее состояние российской экономики очень далеко от провозглашаемых позиций в области экологической составляющей. Хочу напомнить участникам дискуссии о том, чем закончился один весьма показательный прецедент. Речь идет об известном предприятии — «Норильском никеле». По результатам

Ключевые слова

«зеленая» экономика, устойчивое развитие, экологическая безопасность, энергоэффективность, возобновляемые источники энергии

контрольно-надзорной деятельности, вследствие огромного загрязняющего потенциала это предприятие должно было быть закрыто, но поскольку оно имеет важное стратегическое значение, то по инициативе правительства Росприроднадзор заключил с «Норильским никелем» специальное соглашение, в соответствии с которым ежеквартально оценивались модернизационные мероприятия, связанные с уменьшением выбросов и улучшением экологической ситуации в целом. Правительство Российской Федерации в специальном письме предложило заключить аналогичные соглашения всем компаниям, так или иначе связанным с металлургической промышленностью. Такие документы могли бы регулярно информировать и правительство, и гражданское общество об экологической политике этих компаний. И что же? Ни одно предприятие не поддержало инициативу. Напротив, все объединились и категорически выступили против этой идеи. Возникает вопрос — почему?

Причина, на мой взгляд, прежде всего — в несовершенстве отраслевого экологического законодательства. В нашей стране оно возведено в ранг администрирования: мы каждый раз должны найти нарушение и наказать за него. Такое компенсаторное законодательство ни к чему хорошему не приводит. Мы должны стимулировать инновации в области экономики, связанные непосредственно с экологией. Это и станет той мерой оценки, которая покажет, в каком направлении развивается наша экономика. А компенсаторное право — это путь в никуда.

Когда мы проанализировали применение норм отраслевого экологического законодательства, выяснилось, что оно реализуется лишь на 10 %. Спрашивается, зачем нам такое количество различных структур, которые практически не функционируют? Необходимо изменить методологические основания экологического законодательства. Правоприменение в этой сфере должно носить экономический характер и определяться другими осно-

ваниями. Во-первых, мы должны говорить об экологических рисках. Сегодня при проведении экологической экспертизы проверяется только соответствие собранного пакета документов законодательной базе.

Во-вторых, экологическое страхование. Не государство должно участвовать в разрешении тех или иных споров, а хозяйствующие субъекты. Если государство оценивало бы экологические риски, привлекая к этому экологов и гражданское общество, а хозяйствующие субъекты включались бы в систему экологического страхования, тогда появился бы третий экономический фактор — экологический аудит, в котором были бы заинтересованы все стороны.

Правильно провозглашенная новая экономическая или эколого-экономическая политика должна подтверждаться комплексным решением проблем. Иначе проблему накопленного экологического ущерба нам не решить.

Евгений Шварц, руководитель организации «Всемирный фонд дикой природы» (российский филиал). «Зеленая» экономика — понятие многозначное, оно включает в себя и конкурентную борьбу за потребителя. И любые протекционистские меры, будь то закон Лэйси или политика Евросоюза, направленная на предотвращение завоза нелегального леса, древесины, низкоэффективных двигателей самолетов и т.д., — это отражение желаний тех компаний, которые идут в мейнстриме конкуренции. Как только появляются некие «экологические жулики», пытающиеся получить конкурентное преимущество за счет более низких вложений и «грязной» среды, компании, борющиеся за потребителя, начинают требовать, чтобы их интересы защитили. Не понимая этого, мы теряем то, что нам необходимо для экономического развития.

О «зеленой» экономике сейчас говорят многие и много. Мы понимаем, что у нашей страны должна быть своя национальная модель «зеленой» эко-

Справка

Закон Лэйси (Lacey Act) — природоохранный закон, принятый в США в 1900 году и названный по имени его основного автора, сенатора Джона Лэйси. Изначально закон был направлен на предотвращение ввоза в страну незаконно добытых диких животных и их частей, главным образом охотничьих трофеев. В закон неоднократно вводились поправки, расширявшие сферу его применения

Мейнстрим (англ. mainstream — основное течение) — преобладающее направление в какой-либо области (научной, культурной, др.) для определенного отрезка времени